

АКАДЕМИЯ НАУК БЕЛОРУССКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ ИМЕНИ ЯКУБА КОЛАСА

На правах рукописи

УДК 808.26.-022-31+808.26-316.4:549

МОРДАС Наталья Ростиславовна

МИНЕРАЛОГИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В БЕЛОРУССКОМ
ЛИТЕРАТУРНО-ПИСЬМЕННОМ ЯЗЫКЕ XIУ-XVIII вв.

Специальность 10.02.02 - Языки народов СССР
/белорусский язык/

А в т о р е ф е р а т
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Минск-1991

Работа выполнена на кафедре белорусского языка и методики его преподавания Минского ордена Трудового Красного Знамени государственного педагогического института им. А.М.Горького

Научный руководитель — доктор филологических наук
А.Н.Булко

Официальные оппоненты: доктор филологических наук
профессор А.И.Наркевич
кандидат филологических наук
старший научный сотрудник
В.М.Свежинский

Ведущая организация — Гродненский государственный университет

Защита состоится "___" _____ 1991 г.
на заседании Специализированного совета Д.006.15.01 при Институте языкознания им. Якуба Коласа АН БССР /220072, г. Минск, ул. Ф.Скорины, 25/.

С диссертацией можно ознакомиться в Центральной научной библиотеке им. Якуба Коласа АН БССР /г.Минск, Ленинский пр., 68/.

Автореферат разослан "___" _____ 1991 г.

Ученый секретарь
специализированного совета *А.А.Лукашанец* — А.А.Лукашанец

Изучение словарного состава старобелорусского языка в пределах предметно-тематических и лексико-семантических групп — одно из важных направлений современного языкознания. Оно не только "позволяет определять удельный вес всех этих групп в словарном запасе языка, их рост или сокращение в зависимости от внешних, исторических обстоятельств"¹, но и дает возможность исследовать пути формирования специальной терминологии, выявить тенденции ее развития в связи с эволюцией языковой системы в истории общества, проникнуть в сущность природы слова как языковой единицы, определить его семантический объем и круг лексико-грамматических связей, выиснить ряд других лексикологических вопросов. Иными словами, путь к полному и всестороннему описанию лексико-семантической системы языка на конкретном синхронном срезе лежит через изучение ее составных частей.

За последние десятилетия в белорусском языкознании значительно расширился круг историко-лексикологических исследований, посвященных как описанию словарного богатства памятников различных жанрово-стилевых разновидностей старой белорусской письменности, так и анализу отдельных слов и выражений. В результате планомерной работы в историческом аспекте изучены многие тематические пласты старобелорусской лексики — социально-экономическая, юридическая, военная, промысловая, строительная, торговая, бытовая предметная, сельскохозяйственная, огородная и садовая, темпоральная лексика, наименования лиц, домашних животных, метрических единиц /см. кандидатские диссертации В.А.Бекиша, Н.И.Гилевич, Э.П.Дауцене, В.Д.Евтухова, Э.А.Зеневич, Т.Г.Казаченок, М.А.Корчица, В.А.Купреченко, В.М.Лазовского, Н.К.Пометько, К.В.Скурата, И.В.Шадурского, А.К.Шняколовича/. Тем не менее ряд крупных лексико-тематических объединений старобелорусского языка не получил еще в лексикологической науке специального освещения. К числу таких объединений относится минералогическая лексика, избранная предметом данного исследования.

Разряд минералогической лексики, включающий согласно современным минералогическим словарям наименования драгоценных, полудрагоценных и поделочных камней, самородных металлов, различного рода солей, как свидетельствуют памятники письменности, составляет

¹ Филлин Ф.П. О названиях обуви в русском языке //Лексикограф. сб. /АН СССР. Отд-ние лит. и яз. — М., 1963. — Вып. 6. — С. 166.

значительную часть старобелорусского словаря и отличается богатством и разнообразием. В XIУ–XVIII вв. многие минералогические термины были достаточно хорошо известны жителям белорусских земель, входили в активный словарный запас населения, что было обусловлено экстралингвистическими факторами — развитием металлургического производства и ювелирного ремесла на территории Белоруссии, довольно развитыми торговыми и культурными отношениями Великого княжества Литовского с государствами Западной Европы. Сегодня эти наименования представляют научный интерес как в историческом, лингвистическом, так и в познавательном отношении. Все изложенное вызывает необходимость изучения минералогической лексики старобелорусского периода, определяет актуальность избранной темы. Между тем целостный анализ данной лексики в белорусском языкознании не проводился, хотя некоторые слова преимущественно иноязычного происхождения, входившие в эту тематическую группу, привлекали внимание исследователей. Так, заимствованные наименования с минералогическим значением анализировались в разделе "Лексіка, якая характарызуе прыроду ў бытавым і навуковым асяцяццэнні" монографии А.Н.Булыко "Лексічны запісчаны ў беларускай мове XIУ–XVIII стст." /1980/. Отдельные названия драгоценных камней рассматривались в историко-этимологических исследованиях А.И.Буравского и в публикации польского ученого В.Витковского. В качестве составного компонента лексики немецкого происхождения некоторые минералогические наименования исследовались в диссертации О.М.Галай. Таким образом, работы белорусских лингвистов, касающиеся исследования отдельных минералогических номинаций, далеко не исчерпывают проблематику изучения старобелорусской минералогической лексики.

Староукраинские минералогические термины также не были объектом специального изучения в украинском языкознании. Этот пласт лексики затрагивался в некоторых работах в связи с решением других проблем словарного состава староукраинского языка.

Более заметных успехов в изучении минералогической лексики достигли исследователи словарного состава древнерусского и старорусского языка, несмотря на то, что в центре их внимания находилось небольшое число минералогических наименований, рассмотренных под тем или иным интересующим авторов углом зрения, чаще всего с точки зрения происхождения, как в статьях С.Ф.Ахметова, В.М.Борисова, Д.П.Вальковой, И.Г.Добротомова, Вяч.Вс.Иванова, К.Иностран-

цева, Ф.Е.Корша, Г.Н.Лукиной, А.Г.Медоева, П.М.Меллиоранского, Н.А.Мешерского, О.Н.Трубачева и др. Наиболее полное изучение в диалектно-хроническом аспекте русских названий драгоценных камней представлено в диссертации И.Н.Макеевой. К проблемам минералогической лексики восточнославянских языков обращались историки Ф.Д.Аксентон, М.В.Фехнер, О.А.Яковлева и специалисты-минералоги Г.Г.Леммлейн, М.И.Пыляев, А.Е.Ферсман.

Актуальность исследования старобелорусской минералогической лексики обусловлена также необходимостью учета старых белорусских терминов при разработке специальной терминологии, что особенно важно в условиях, когда в республике проводится планомерная работа по возрождению белорусского языка.

Цель исследования — выявление в памятниках письменности и всестороннее рассмотрение тематического пласта лексики с различным минералогическим значением, определение места минералогического значения в семанте слова, а также изучение пути семантического развития термина.

Цель исследования предусматривает решение конкретных задач:

- 1/ выявить с максимально возможной полнотой и систематизировать минералогическую лексику старобелорусского языка;
- 2/ определить по возможности время ее наиболее раннего отражения памятниками старобелорусской письменности;
- 3/ произвести семантический анализ номинаций, употреблявшихся в старобелорусском языке в минералогическом значении, выявить системные отношения внутри данной тематической группы /синонимические, антонимические, родо-видовые/;
- 4/ рассмотреть данную лексику с точки зрения происхождения, установить источники ее пополнения, для заимствованных терминов определить язык-посредник;
- 5/ исследовать особенности жанрового использования минералогических номинаций;
- 6/ охарактеризовать словообразовательную активность изучаемой лексики;
- 7/ проследить судьбу старобелорусского минералогического словаря в дальнейшей истории белорусского языка.

Материал и методы исследования. Источником фактического материала для исследования послужили важнейшие известные в наше время

памятники старобелорусской письменности. По содержанию и языковым особенностям они подразделяются на три основные жанрово-стилистические разновидности: 1/канцелярско-юридическую, включающую грамоты, акты и другие деловые и юридические документы, судебные книги и статуты; к их числу относятся еще не исследованные до настоящего времени рукописные материалы, хранящиеся в фондах Государственного исторического архива БССР; в основе всех этих письменных источников лежит живая народная речь; 2/светско-художественную, объединившую оригинальные белорусские летописи, произведения мемуарной литературы и политической сатиры, а также переведенные с других языков рыцарские и военные романы и повести, научно-исторические сочинения в виде историй, хроник и хронографов; 3/конфессиональную, включающую памятники религиозного содержания, в которых наименования драгоценных камней представлены наиболее полно при описании составной части ритуальной одежды первосвященника — наперсника /пекторали, ефуда/, сделанного из золота, виссона и шерсти трех цветов и украшенного расположенными в четыре ряда, по три в каждом, двенадцатью драгоценными камнями. Собранный иллюстративный материал сверялся с данными картотеки исторического словаря белорусского языка Института языкознания имени Якуба Коласа АН БССР.

Методы исследования были обусловлены его характером и поставленными задачами. Фактический материал для диссертации был извлечен из старобелорусских памятников методом общей и выборочной выписки. Для изучения минералогической лексики старобелорусского словаря использовались описательный, сопоставительный и сравнительно-исторический методы, позволяющие наиболее полно охарактеризовать анализируемые номинации в семантическом, этимологическом и словообразовательном аспектах. Однако рамки данного исследования не позволили произвести подробное описание всех номинаций, выступавших в старобелорусском языке в роли наименований минералов. В связи с этим некоторые лексические единицы, находящиеся на периферии рассматриваемого тематического пласта или характеризующиеся спорадичностью употребления, в данной работе не описывались.

Научная новизна исследования заключается в том, что оно представляет собой первое изучение наименований минералов как целостного лексического пласта старобелорусского литературно-письменного языка XIV-XVIII вв. Впервые в научный оборот вводится наиболее пол

ный перечень простых и аналитических наименований, которые использовались старобелорусским языком в качестве обозначений драгоценных камней, минеральных солей и металлов. Делается попытка проследить историю формирования и развития одной тематической группы на протяжении всего периода функционирования старобелорусского языка, устанавливаются ее основные источники и прослеживаются пути проникновения иноязычных лексем в старобелорусскую лексическую систему и тем самым определяются некоторые закономерности пополнения старобелорусского словаря в целом. Исследуются жанровые особенности минералогических терминов, их стилистическая окраска. В диссертации уточнена семантика некоторых наименований, отмеченных в "Гістарычным слоўніку беларускай мовы". В кругу анализируемой лексики впервые выявлены и рассмотрены синонимические, антонимические связи и различные типы вариантных отношений. Исследуется словообразовательная активность старобелорусской минералогической лексики, прослеживается судьба наименований минералов в дальнейшей истории белорусского языка.

Теоретическое и практическое значение данной работы заключается в возможности более полного и многостороннего решения общих и частных вопросов белорусской исторической лексикологии, а именно: выявление основных тенденций развития лексической системы в период функционирования старобелорусского языка, установление истоков формирования и источников пополнения терминологической системы, определение роли исконных и заимствованных элементов в процессе формирования словарного состава белорусского языка XVI-XVIII вв. Фактический материал и результаты исследования могут быть использованы в вузовских курсах лекций по исторической лексикологии белорусского языка. Материалы исследования могут стать основой для спецкурсов, могут быть использованы при составлении исторических и этимологических словарей белорусского языка. Они найдут применение во внеклассной работе по белорусскому языку в школе, в студенческих научных кружках.

Апробация работы. Диссертация обсуждалась на заседаниях кафедры белорусского языка и методики его преподавания Минского педагогического института им. А.М.Горького. Основные ее положения докладывались на научных сессиях профессорско-преподавательского состава /1988 г., 1990 г./, шестой внутривузовской научно-практической конференции молодых ученых Минского педагогического инсти-

тута ім. А.М.Горького /1989 г./, на III рэспубліканскай канферэнцыі "Словаафараванне і номінатыўная дэрывацыя ў славянскіх мовах" /Гродна, 1989 г./.

Па тэме дысэртацыі апублікаваны чатыры артыкулы і тэзісы.

Структура работы. Дысэртацыя складаецца з вядзення, двух гл., заключэння і прыложэнняў. Аналіз лексікі фармуецца ў выглядзе гісторыка-лексікаграфічных этюдаў, прысвечаных вывучэнню як асобных слоў, так і іх дэрыватываў.

Во ввядзенні абасновваецца выбар тэмы, актуальнасць вывучаемай праблемы, аналізуецца ступень яе вывучэннасці ў сучаснай лінгвістыцы, вызначаюцца мэта, задачы, метады даследавання, навучная новізна і практычная значнасць работы. Удзялена ўвага характэрыстыцы гістарычных умоваў функцыянавання мінералагічнай лексікі на тэрыторыі Беларусі ў XV-XVIII вв.

Первая глава прысвечана вывучэнню найменванняў драгальных камяней і мінеральных солей ў старабеларускай мове.

Геммолагічная тэрміналогія, а такжэ найменвання мінеральных солей па прычынам культурна-гістарычнага парадка складаюцца ў асноўным з запампаваных слоў. Генетычныя карані большасці з іх восходзяць да класічных мовах — грэцкаму і латынскаму. Самыя раннія выпадкі пранікнення мінералагічнай лексікі грэцкага і латынскага паходжання ў старабеларускую мову адмечаны XV стагоддзем, прычым номінацыі аметыст і самфір, фіксуемыя ў гісторыка-фантастычнай павеці "Александрыя", з'яўляюцца прамым лексічным наследдзям з старабеларускай мовы.

Папоўненне беларускай слоўніка мінералагічнымі тэрмінамі з класічных мовах працягвалася і ў XVI в., асабліва пасля таго як Ф.Скоріна ажыццэвіў выданне "Бібліі", змяшчаючай апісанне знешняга выгляду, месцазнаходжання і ўласцівасцей драгальных і паўдрагальных камяней, укарашаваных наперсніка пераасвяшчэнніка. Імённыму пачынаючы з гэтага часу лексічная сістэма старабеларускай мовы абогатлялася запампаванымі номінацыямі ахатэс, беріль, каврукуль, крызаліт, крысталь, лігурт, мрамор, онік, салітра, сарды, смаральд, топазій, шафір, ясель, яшчэ. Прысутнасць некаторых з іх абумоўлена ўплывам мовы арыгінала скорінінскага перакладу — "Бібліі чэшскай ў Венецыі друкаванай" 1564 г., з якой у адпаведных адрывках фіксуецца аналагічныя лексімы:

achates, ametyſt, yaſpis, jaſink, beryl, kryzolit, onychyn. Хотя, конечно, нельзя ставить под сомнение исключительную образованность Ф.Скорины, его знание латинского и греческого языков, что дает возможность предполагать более раннее знакомство белорусского первопечатника со многими названиями драгоценных камней классического происхождения.

Довольно часто Ф.Скорина употреблял уже адаптированные, приспособленные к белорусской языковой системе слова, хотя в чешском издании они имели ярко выраженные латинские форманты: карвункуль - karbunkulus, лигуръ - ligurius; сардий - sardius; смарagdъ - smaragdus. Иногда латинские минералогические термины Ф.Скорина заменял греческими, что подтверждает мнение исследователей о церковнославянском характере некоторых источников перевода: топазионъ — topazyus.

Важным путем проникновения иноязычных минералогических лексем классического происхождения в старобелорусскую лексическую систему явилась переводная литература. Так, при посредничестве польского языка были заимствованы многочисленные наименования драгоценных камней, отраженные в популярной повести про А.Макелонского "Александрий", "Хронике" М.Бельского, "Хронографе", библейских книгах XVII в.: ахатъ /achat/, гагатокъ /gagatek/, аметистъ, аметистъ, аматистъ, аматистъ /amethyst/, аспистъ, яспистъ /aspis/, берилъ /berylus/, дьяментъ, дьяментъ, дьяментъ /diamant/, карбункуль, карвункуль /karbunkulus/, карвункуль /karvunkul/, гранатъ /granat/, кристаль, кристаль, консталь, кристаль, кристаль /krysztal/, лигурисъ /liguryjus/, мрамуръ, мрамуръ /marmur/, онихинъ /onichin/, онихисъ /onichis/, онихимъ /onichim/, рубинъ /rubin/, сардинъ /sardyn/, сардиниъ - /sardoniks/, смарagdъ, смарagdъ, смаракидъ, смаракдъ, смаракдъ - /smaragd/, салефра /saletra/, топазионъ /topazyjon/, хризолитъ /chryzolit/, сафиръ /szafir/, яхонтъ /jachant/.

Церковнославянский язык сыграл роль передаточной среды для номинаций афрактъ, адаментъ, алявастръ, алевастръ, какинѣ, морморъ, сафиръ, смарagdъ, смарagdъ. Хорошее же знание старобелорусскими книжниками греческого языка способствовало заимствованию греческих терминов аметиѣстонъ /ἀμεῖψτον/, аметиѣстосъ /ἀμεῖψτος/, вирѣтионъ /βερρέτιον/, хрисолитосъ /χρυσόλιθος/, лигирионъ /λιγύριον/, онихионъ /ὄνυχιον/, сардионъ /σάρδιον/, топазионъ /τοπάσιον/.

Из старорусской лексической системы в белорусскую письменность перешли номинации классического генезиса карвамукольсь, измарагдъ, яхонтъ. В качестве передающей среды лексем сабань и анпраксъ выступил сербский язык /сафинъ, andraks/.

На основе некоторых заимствованных из классических языков терминов путем метатезы, субституции конечных фонем основы или флексии, а также в результате аналогии были образованы слова, используемые в качестве обозначения драгоценных камней и не фиксируемые другими славянскими языками: днѣменскъ, аметий, акинтъ, акянѣ, княнтъ, сарлукъ, сарлукъ, хризолитъ. Эти номинации можно считать гапаксами белорусского происхождения.

В отдельных случаях слова, имеющие общий латинский или греческий этимон, в результате многоконтактности культурных связей того времени попадали в старобелорусскую письменность при посредничестве разных языков. Так, введенные Ф.Скориной в белорусскую лексическую систему номинации аметистъ, ахатесъ, карвункулъ, кришталъ, онихинъ, смарagdъ, топазионъ, шафитъ и ясписъ в начале XVII в. были вновь заимствованы через польский язык, о чем свидетельствует их фиксация исключительно в памятниках старобелорусской письменности, испытавших сильное польское воздействие. О разных путях проникновения одних и тех же слов в старобелорусский литературно-письменный язык говорит также неодинаковый внешний облик минералогических номинаций из разных источников, ср.: берилъ <чеш. beryl / - берилъ <пол. berylus /; кризолитъ <чеш. kryzolit / - кризолитъ <пол. chryzolit /; анпраксъ <пол. анаражъ / - андраксъ <сербск. andraks /; смарagdъ <пол. smaragd / - змарagdъ <пол. змарagdъ /.

Заимствование немецких по происхождению наименований бурштынъ, галунъ, игмоинъ, крейда, купарва, туркусъ чаще всего происходило через посредничество польского языка /нем. Bornstein > пол. bursztyn; нем. alun > пол. hałun; нем. gamahin > пол. gama in; нем. kreide > пол. krejda; нем. kupfer-wasser > пол. koper-waś; нем. thurkus > пол. turkus /, куда они довольно активно начали проникать еще в XIII-XIV вв. в результате оживления экономических, торговых и политических связей между немецким и польским народами. Ввиду же существования тесных контактов между поляками и белорусами слова немецкого генезиса беспрепятственно входили в активный запас старобелорусского языка. Некоторые из германиз-

мов могли войти в белорусский язык и непосредственно из немецкого, т.к. с древнейших времен существовали прямые контакты населения Великого княжества Литовского с немцами в разных сферах человеческой деятельности.

Польский язык явился источником названий зеленого драгоценного камня жабинец /*zabinieć*/ и жабинок /*zabinek*/, причем именно старобелорусскими памятниками делового жанра они фиксируются гораздо чаще, чем в польской письменности.

Генетические истоки старобелорусских номинаций алмазь, балзагирь /*загирь*/ и фероза восходят к восточным языкам. Лексеми балзагирь /*загирь*/ и фероза, используемые в качестве обозначения минералов, в практике старобелорусской письменности были достаточно ограничены в количественном использовании, их фиксирует лишь один источник — "Аристотелевы врата" конца XVI в. Принимая во внимание, что оригинал памятника через еврейский текст восходит к арабскому источнику, правомерно предположить, что эти слова заимствованы именно оттуда. Номинация алмазь, представляющая собой видоизмененное на арабской языковой почве греческое ἀδάμας, в старобелорусский язык пришла через русское посредничество, о чем свидетельствует помета П.Беринды москов. /т.е. московское, русское/.

Прямым лексическим наследием из древнерусского языка является номинация соль.

Заимствованная минералогическая лексика проникала в старобелорусский язык устным и письменным путем. Термины греко-латинского и восточного происхождения попадали на белорусскую языковую почву чаще всего из письменных источников, а уж затем некоторая их часть становилась достоянием живой народной речи, о чем свидетельствует фиксация таких номинаций памятниками деловой письменности. Для наименований, переведенных в старобелорусский язык из немецкой и польской лексических систем, более характерным является устный путь заимствования, что было обусловлено определенными экстралингвистическими факторами.

В качестве обозначения драгоценных камней старобелорусский язык спорадически использовал составные наименования описательного характера "существительное + прилагательное": каменек карвункулевий, камени онухинов, камень рубиновый, в роли определительного компонента которых выступало прилагательное.

Семантика исследуемых наименований драгоценных камней и минеральных солей содержала главным образом одно значение, что соответствует требованию, предъявляемому к термину. Однако некоторые номинации данного лексического пласта характеризуются сложностью семантики. Так, слово иакинѣ в старобелорусском языке реализовало два значения: 1/ 'драгоценный камень'; 2/ 'вид, сорт ткани'. Лексема кгранатъ использовалась как минералогический термин 'драгоценный камень красного цвета' и как военный термин 'разновидность оружия'. Полисемичной была также номинация кгомоинъ, кгамаинъ, выступающая в качестве обозначения драгоценного камня и некоторых сортов аксамита. Слово кристалъ также реализовало два самостоятельные ЛСВ: 1/ 'горный хрусталь'; 2/ 'лед'. Довольно сложной была семантика старобелорусской номинации соль, употреблявшейся как в прямом, так и в переносном метафорическом значении.

Часть минералогических лексических средств в процессе семантического освоения старобелорусским языком изменила семантику по сравнению со своими этимонами. Номинации аифраксъ и карбункулъ в латинском языке были многозначными, употреблялись в качестве обозначения драгоценного камня красного цвета /граната, рубина/ и как медицинские термины 'нарыв, язва, чирей', но в старобелорусской лексической системе они сохранили лишь свое минералогическое значение. В процессе заимствования германизма кгомоинъ старобелорусским языком также произошел сдвиг в семантической структуре слова: немецкий этимон обозначал не драгоценный камень, как старобелорусский эквивалент, а служил для номинации камен. Именно такое значение имело это слово и в передающей среде — польском языке XVI в.

В отдельных случаях точное значение некоторых геммологических терминов старобелорусского языка определить весьма сложно. Так, словом аифраксъ назывался драгоценный камень красного цвета, который мог быть гранатом или рубином. Семантическое содержание номинации литуръ также определяется исследователями неодинаково: гиацинт, циркон желтого цвета, опал, яштарь. Не менее ясно точное значение старобелорусского слова яхонтъ, которое, будучи заимствованным из немецкого языка, в первой половине XVI в. обозначало буро-желтый драгоценный камень циркон /гиацинт/, позднее в сочетании с прилагательными-цветообозначениями /яхонтъ желтъ, чермень, червчатъ, использовалось в качестве наименования минералов груп-

пы корунда — сапфира и рубина. Нельзя утверждать с уверенностью, что старобелорусское шафирь обозначало сапфир в современном понимании, т.к. в памятнике деловой письменности XVII в. шафирь назван белым камнем. В диссертации уточнено значение лексемы бадзагирь — 'вещество минерального и органического происхождения, применяемое как лекарственное средство в качестве противоядия', представленной в "Гістарычным слоўніку беларускай мовы" как наименование драгоценного камня.

Система лексических средств, использовавшихся для обозначения драгоценных камней и минеральных солей, в памятниках разных жанров неодинакова по своему составу. Наиболее полное представление о названиях драгоценных камней, функционировавших в старобелорусском языке, дают материалы конфессиональной и светской литературы, хотя некоторые из них отмечаются и памятниками деловой письменности /диаманть, яханть, шафирь, рубинь, шмаратдз, туркусь, кгомоинь, жабинець, жабиноч/. Что же касается терминов, используемых в роли наименований различного рода минеральных солей, то для них характерна жанровая принадлежность к деловым письменным памятникам.

Заемствованные лексические средства, употребляемые для наименования драгоценных и полудрагоценных камней, минеральных солей, проявили определенную словообразовательную активность. Анализ материала показывает, что самым устойчивым и продуктивным словообразовательным типом было образование прилагательных на основе минералогических терминов при помощи суффиксов -ов/ий/, -н/ий/: адамантовий, адамантынвий, дияментовий, аматистовий, акифовий, гяцинтонвий, шафировый, смаратдовий, алебастровий, мрамуровий, кристалловый, кгранатовий, кристалний, туркосовий, буоштинный, алмасний. При этом вновь образованные номинации чаще всего реализовали значение 'сделанный из того, претом подобный на то, что обозначено производящей основой'. Дериваты акифовий, гяцинтонвий, кгранатовий и туркосовий использовались в качестве прилагательных-цветообозначений. Свидетельством достаточно прочного освоения заимствованных слов явилась их способность образовывать слова с суффиксом эмоциональной оценки: дияментикъ. Входящее в деривационное поле номинации селитра существительное селитровщина образовано суффиксальным способом при помощи суффиксов -ов-, -ин/а/. Большую активность в слово-

образовании проявило унаследованное из древнерусского языка слово соль, которое явилось базой для образования существительных, прилагательных, глаголов: несланий, осоленъ, осоленный, осоливати, осолити, осолиться, посолити, саленикъ, слонина, солене, соленицкий, соленичий, соленичье, солений, солъникъ, солъница, солъничий, солъника.

Исследованные материалы показывают, что минералогической терминологии, как, впрочем, и всей системе старобелорусской лексики, была присуща широко развитая вариантность, особенно фонематическая, обусловленная несколькими причинами: а/ неоднократностью заимствования одного и того же минералогического термина, т.е. наличием нескольких языков-посредников; б/ существованием вариантности в самом языке-источнике и в передающих языках; в/ двойкой возможностью чтения гречизмов /эразмово и рейхлиново чтение/; г/ фонетическими процессами, имевшими место в живом языке белорусской народности. Основными условиями идентификации анализируемых лексических единиц вариантами одного слова при различии внешней формы является совпадение лексического и грамматического значения лексемы и утрата различительных функций у фонем. На этом основании фонематическими вариантами признаны: 1/ заимствованные минералогические термины, имеющие общий этимон, но попавшие в старобелорусскую письменность при посредничестве разных языков: смарagdъ /из чешского/ - шмарagdъ /из польского/; сапфиръ /из церковнославянского/ - шафиръ /из польского/; 2/ слова, различающиеся составом фонем, что явилось результатом различной передачи греческих ϕ как "ф" или "д": аѳраксъ - аѳдраксъ; η как "е" или "и": ахатесъ - ахатисъ; β как "в" или "б": алявестръ - алябастръ; карвункулъ - карбункулъ; σ как "з" или "с": кризолить - крисолить; 3/ номинации, получившие разное фонетическое оформление в результате действия аканья /хонтъ - хантъ, ктомонъ - ктеманъ/, отвердения р и зубных д и т в заимствованных словах /кришталъ - крышталъ, дьяментъ - дыментъ, аметистъ - аметистъ/.

Графические варианты, характеризующаяся тождественностью как внешней, так и внутренней формы, различаются лишь способами передачи на письме некоторых графем, например греческой ξ: аѳраξъ - аѳроξъ, назывного звука [ε]: кгранатъ - гранатъ, шмараклѣ - шмараклѣ, одновременным функционированием в старобелорусской письменности двух знаков /и - і/ для передачи фонемы [i] дьяментъ.

дидиментъ, отсутствием четких нормативов употребления графических знаков д и д на письме: дидиментъ - диаментъ.

Как отдельные самостоятельные слова рассматриваются в данном исследовании пары минералогических терминов, один член которых заимствован в форме аккузатива, второй — номинатива: амефистонъ - амефистосъ, а также лексемы, имеющие в своей основе латинские и греческие форманты: берилъ - вирилионъ, лигтурисъ - лигирионъ.

Довольно актуальным в исторической лексикологии является отнесение к самостоятельным словам или вариантам пар типа карванкуль - карванкулось, бериль - берилосъ, лигуртъ - лигтуристъ, различающиеся конечными звуками основы /окончание у этих слов нулевое/. Основываясь на таких важных условиях идентификации вариантов, как принципе тождества морфологической структуры сопоставляемых единиц, а также принимая во внимание формальное ограничение варьирования слова /позиционно не обусловленные фонематические несовпадения обычно не превышают двух фонем/², мы также относим пары слов типа карбуникуль - карбуникулось, бериль - берилосъ к разряду самостоятельных.

В процессе дальнейшего исторического развития белорусского языка исследуемые минералогические термины претерпели существенные изменения. Значительная часть старобелорусских наименований драгоценных и полудрагоценных камней стала достоянием истории /анфраксъ, яхатесъ, адамантъ, аспистъ, бадзагиръ, жабинецъ, жабинокъ, макинйъ, кгомонъ, лигуртъ, онихинъ, сардий, топазионъ, туркусъ, яшиктъ и др./, что, видимо, было обусловлено внеязыковыми факторами: драгоценные камни не добывались на белорусских землях, они привозились из-за границы и стоили довольно дорого, т.е. относились к предметам малораспространенным, поэтому эти наименования не находились в каждодневном речевом использовании и, как следствие, со временем забывались, выходили из активного употребления. Между тем некоторые старобелорусские наименования драгоценных камней входили в состав научной минералогической терминологии 20-х годов нашего столетия: дидиментъ, шафир. В современной белорусской минералогии они вытеснены словами алмаз, сапфир.

² Горбачевич К.С. Вариантность слова и языковая норма: На материалах современного русского языка. - Л.: Наука, 1978. - С.12-15.

Многие старобелорусские названия драгоценных камней, минеральных солей фиксируются современным белорусским языком: аметист, алебастр, алмаз, берил, бурштин, галун, гранат, капервас, крайда, мрамур, рубі́н, салетра, смарэгд, хрызаліт, яхэнт. Вместе с тем ряд минералогических обозначений отмечаются современными толковыми словарями с некоторыми фонетическими изменениями по сравнению со старобелорусским периодом: агат, аспід, гагат, карбункул, сарда-нікс.

Вторая глава посвящена изучению наименований металлов. Минералогическая лексика, употреблявшаяся в старобелорусском языке для обозначения металлов, включает собственнобелорусские и заимствованные слова. Основной базой для формирования старобелорусских названий металлов является соответствующий разряд древнерусского словаря. Наименования, продолжающие в старобелорусском языке древнерусскую лексическую традицию, подразделяются на единицы, связанные с индоевропейской эпохой /железо, золото, олово/, и обозначения, которые возникли во времена общеславянского языкового единства /медь, серебро/. Такие лексемы преобладают на начальном этапе формирования старобелорусской минералогической лексики: первая их фиксация в памятниках письменности относится к XIV–XV вв.

В составе наименований металлов довольно широко представлены термины иноязычного происхождения: спіжа, цїна, мосязь, сталь. Их генетические истоки восходят к немецкому языку. Как свидетельствует проанализированный материал, значительная часть этой лексики попала в старобелорусский язык через посредничество польского языка. Такие слова по своему фонетико-морфологическому облику более близки к соответствующим польским номинациям, чем к своим немецким этимонам: нем. preis, пол. przeja, стобел. спіжа; нем. zin, пол. cina, стобел. цїна; нем. messing, пол. mosiadz, стобел. мосязь; нем. Stahl, пол. stal, стобел. сталь. Нельзя исключить и возможность непосредственного заимствования старобелорусским словарем некоторых немецких терминов, о чем свидетельствует, например, существование в памятниках делового жанра морфологического родового варианта цїць, фонетический облик которого совпадает с немецким этимонам. Письменные источники старобелорусского языка отражают заимствование наименования с XV в. /спіжа, цїна, мосязь/ или XVI в. /сталь/. Вероятно, именно эти хронологические рамки и следует считать временем проникновения иноязычных терминов на бело-

русскую языковую почву.

В некоторых случаях заимствование наименования металлов вступали в синонимические отношения с собственнобелорусскими номинациями. Так, в памятниках письменности старобелорусского языка, где речь идет о материале для изготовления колоколов, славянское образование медь вступало в синонимическую связь с немецким заимствованием спижь 'бронза'. Это привело к тому, что в белорусском языке XIX в. для обозначения меди и изделий из нее вместе с номинацией медь использовался термин немецкого происхождения спижь. Смешение двух разных /и по этимологии, и по семантике/ слов для обозначения одного денотата вызвано было, видимо, тем, что в производстве бронзы наряду с незначительным количеством цинка и олова наибольший процент отводился меди. В связи с этим номинации спижь и медь воспринимались как семантически равнозначные. В процессе дальнейшего развития белорусского национального языка лексема спижь была вытеснена из употребления более жизнеспособным исконным словом медь.

Существенную часть исконной старобелорусской лексики, вступавшей в роли обозначения металлов, помимо родовых однословных обозначений составляли видовые терминологические словосочетания и описательные выражения, появление которых было вызвано необходимостью уточнения, детализации, более четкой дифференциации наименований различных видов металлов. Преобладающее количество минералогических аналитических наименований представлено двучленными образованиями типа "существительное + прилагательное" или "прилагательное + существительное", причем прилагательные в составе словосочетаний могут указывать на видовой признак обозначаемого металла: белое железо 'жесть', черное железо 'прокаленное железо'; на определенное качество металла: медь красная 'чистая, без примесей, медь', медь пережиганая 'переплавленная медь', серебро чистое, серебро непрепущенное 'чистое серебро', серебро злое 'фальшивое серебро', золото начистшее, чистое золото, червонное золото 'сплав золота с медью', выборное золото 'золото высшего качества', золото наилучшее, широе золото 'чистое золото', олово кипящее, олово распущенное 'расплавленное олово'; на цели, для которых предназначен металл или изделия из него: медь лоханная, серебро грошовое, серебро церковное, серебро домовое, серебро поешное; малпское золото, железо военное, железа конские, пина

столова, пына кухенна, пына пивнична. Определительный компонент может указывать на отношение к месту добычи металла: Фряжское серебро, аравское золото и аравийское, аравитское злато; на способ изготовления изделий из соответствующего металла: серебро дитое и серебро кованое. Некоторые составные наименования образовывали синонимические ряды: серебро непрепущенное, серебро чистое, серебро белое; чистое злато, широе злато, начистшее злато, выборное злато; олово випячее, олово роспущеное; серебро поесное, серебро протовое. Для ряда наименований характерны антонимические отношения: серебро чистое и серебро злое; сребро злотистое 'с примесью золота' и сребро чистое, сребро белое; серебро робленое и серебро неробленое; червоное злато, полчервоное злато 'золото с примесью меди' и чистое злато, широе злато.

Представляя собой лексическое наследие из древнерусского языка, минералогические номинации железо, медь, золото, олово, серебро характеризуются сложностью семантической структуры, наличием нескольких ЛСВ. Первичное, номинативное значение анализируемых лексем относится, как правило, к минералогической терминологии. Важную роль в становлении семантического объема наименований металлов как исконных, так и заимствованных играют метонимические переносы "материал - изделия из этого материала". Являясь по своей структуре полисемичными образованиями, многие проанализированные минералогические номинации, взятые в одних и тех же значениях, являются одновременно членами не одной, а нескольких лексико-семантических парадигм. Например, номинации медь, серебро, золото своим первичным значением входят в ЛСГ "наименования металлов", с другой стороны, в значении 'деньги' являются членами ЛСГ "наименования денежных единиц" и вступают в определенные отношения со словами гротъ, эфимокъ, орть, полкопа, таляръ, чехъ, шелегъ.

В результате определенных семантических сдвигов /специализации/ у многих ЛСВ возникали дополнительные смысловые оттенки /подзначения/. Эти смысловые элементы, входящие в семантическую структуру слова, "проявляются" контекстом, но в отличие от значения самостоятельно в нем не функционируют. Так, ЛСВ номинации железо 'изделия из железа', возникший в результате метонимического переноса, был осложнен многочисленными смысловыми оттенками: 'оружие', 'заостренная часть какого-либо предмета, орудия, оружия', 'железные части механизма мельницы', 'граничный знак', 'утюг',

'бритва', 'рипарские доспехи'. Значение 'изделия из серебра' лексеми серебро имело подзначения 'предметы культового назначения из серебра', 'столовая посуда', 'серебряные украшения на иконах', 'серебряный оклад на книгах', 'серебро в виде тонких пластинок для украшения предметов', 'женские ювелирные серебряные украшения'.

Если определение значений таких лексических единиц, как дерево, золото, злато, злото, медь, серебро, сребро, пина, мосязь, сталь, спиза не представляет определенных трудностей /в основном все они сохранили свою семантическую значимость и в современном языке/, то точная семантика старобелорусских номинаций олово и свинць не совсем ясна и в каждом отдельном случае требует специальных уточнений. Дело в том, что в древности /еще в период языкового единства восточных славян/ олово часто не отличали от свинца, считая последний загрязненным оловом, поэтому в памятниках старобелорусской письменности довольно часто наблюдается неразличение этих двух металлов и, как следствие, смешение номинаций олово и свинць.

Лексика, используемая старобелорусским языком в качестве наименований металлов, послужила базой для образования целого ряда новых слов, словосочетаний, составляющих деривационное гнездо каждой отдельной номинации. При этом вновь созданные лексические единицы чаще всего образовывались при помощи суффиксации /суффиксальный, префиксально-суффиксальный тип словообразования/ и основосложения. Для образования существительных, мотивирующей частью которых являются минералогические термины, чаще всего использовались форманты -к-, -ук-, -ен-, -ин-, -ар-, -иц-, -ник-, -ниц-, -ств-, -цтв-, -ц-, -шин-, -шизн-, -н-: железко, медничка, медяне, меденарь, золотарчиць, оловениць, медница, золотарство, злотництво, железцо, серебишка, серебишна, серебрына. Не менее продуктивным словообразовательным типом было образование прилагательных с помощью суффиксов -ор-, -ск-, -к-, -и-, -ист-, -ян /-ен-/, -ит-: спижовий, золотарский, злотникий, цинковий, железный, злотистий, оловяний, сребреный, позлотитий. Среди префиксов наибольшую активность проявили форманты о-, по-, полу-: озолотити, осребрети, позолочене, полузолотник.

Семантическая структура исследуемых дериватов зачастую содержала несколько значений: злотник 1/ 'золотых дел мастер, ювелир', 2/ 'единица веса'; медница 1/ 'посуда из меди'; 2/ 'всякая металлическая посуда', 3/ 'единица измерения', 4/ 'мера'; серебишна

1/ 'поземельная денежная подать в пользу великого князя, местных феодалов и городов', 2/ 'общегосударственная чрезвычайная денежная подать серебряными монетами на военные нужды'. Некоторые производные вступали в синонимические и антонимические отношения: золотарь, златарь, злотарь, златник; среброделец, среброделица, кузнец серебряный; серебряна, серебчица, серебчица, серебчица, скотное серебро; сребролюб — безсребреник. Одной из характерных особенностей развития семантической структуры дериватов-прилагательных в старобелорусском языке явилась их способность переносно-метафорического использования. Сфера функционирования таких слов /железный, золотой, серебряный, медный/, обладавших значительным потенциалом экспрессии и оценочным характером, ограничена языком религиозных и некоторых светских произведений.

Словообразовательная система минералогических терминов включала такие сложные структурные единицы, как словообразовательная пара /сталь — сталн, серебро — серебряна, железо — железко, медь — медник/ и словообразовательная цепочка /медь — медница — медничка, сребро — сребролюб — сребролюбивый, сребро — сребреник — безсребреник, золото — золотарь — золотарский/.

Образование новых лексем при помощи основосложения было характерно для неполногласных номинаций старобелорусского языка. Их жанровое использование ограничено рамками конфессиональной и светской литературы: златоустый, златоцветень, златорождень, златословный, златозарный, златолюбивый, златовидный, сребролюбство, среброделец, сребропозолотистый, сребропозлащенный.

Наличие фонематических вариантов среди наименований металлов связано с процессом освоения терминов иноязычного происхождения, имеющих в своем составе несвойственные белорусскому языку носовые гласные звуки я и ю: мосендзь, мосиондзь, мосюндзь, мосяжь. Существование родовых морфологических вариантов было обусловлено длительным опосредствованным входением заимствований в старобелорусский язык /цена — цень, цина — цинц/ или одновременным функционированием собственнобелорусского и аналогичного польского слова /олово — оловь/ . Действием ассимиляции можно объяснить наличие фонематических вариантов зелезо, железо.

Большинство номинаций, служащих для обозначения металлов, сохранилось и в современном белорусском языке с некоторыми фонетическими изменениями /волова, железа, золата, мелзь, серабро, сви-

неп/, поскольку реалии, обозначаемые ими, являются распространенными и в настоящее время. Некоторые лексемы иноязычного происхождения вышли из употребления, хотя отдельные из них встречаются в диалектном языке: мосея, спіж, цын, цына.

Заключение содержит выводы и обобщения, сделанные на основе проведенного лингвистического исследования старобелорусской минералогической лексики.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Словообразовательная активность минералогических терминов старобелорусского языка // Тезисы докладов III республиканской конференции "Словообразование и номинативная деривация в славянских языках", ч.2. - Гродно: Гродненский государственный университет, 1989 г. С. 197-199.
2. Лексіка-семантичнае развіццё намінаўні жалеза ў беларускай мове // Весці АН БССР. - 1990. - № 2. - С. 111-119.
3. Мінералагічныя назвы ў старабеларускай мове // Беларуская мова. - 1990. - № 18. - С. 39-47.
4. Наименование металлов железо и медь в старобелорусском литературно-письменном языке XIY-XIII вв. // Рукопись деп. в ИНИОН № 40010 от 9.XI.1989 г. - 41 с.
5. Заимствованная минералогическая лексика старобелорусского языка. //Рукопись деп. в ИНИОН № 40009 от 9.XI.1989 г. - 30 с.

М. Мель